

РУССКАЯ АРМИЯ ВРЕМЕН ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ

Кирилл Татарников

Царствование Екатерины II по праву занимает особое место в истории России. Находясь на пике могущества, империя вела победоносные войны, армия постоянно росла, а за блеском викторий и наружным благополучием скрывались многие неприглядные явления. В собрании Российского государственного военно-исторического архива нам удалось обнаружить несколько документов, которые очень удачно дополнили друг друга. Два первых рассказывают, как лишенные над собой контроля полковые командиры распоряжались людьми, казной и имуществом вверенных им частей; третий наглядно иллюстрирует конечные результаты этого. На страницы юбилейных полковых историй и солдатских памяток такого рода свидетельства, естественно, не попадали. Тем не менее, эта изнанка екатерининской эпохи заслуживает ничуть не меньшего внимания, чем ее внешняя, парадная сторона.

ПЕРВЫЙ документ, отложившийся в фонде походной канцелярии генерал-фельд-маршала князя Г.А. Потемкина, — *«Примечания, сделанные... во время осмотра по инспекторской должности полков...»*, — был составлен генерал-поручиком А.И. Апухтиным в июне или июле 1779 г.ⁱ Проведенный им смотр полков Крымского корпуса выявил целый ряд повсеместно существовавших злоупотреблений, начиная от подделки формулярных списков и самовольных нововведений в строевом уставе (вещи тогда заурядные), до отставки годных к службе людей, неблаговидный облик которых портил красоту строя. Офицеры и унтер-офицеры из дворян увольнялись в домовые отпуска, продолжая при этом получать жалованье; генералы забирали из полков приглянувшихся им солдат, а полковые командиры, в свою очередь, не стеснялись переманивать к себе нижних чинов из других частей... Преувеличивал инспектор вряд ли. Многочисленные источники официального происхождения и мемуарного характера, подтверждая друг друга, рисуют картину далекую от идеальной. Дело в том, что начиная с 1760-х гг. полковые командиры оказались фактически полноправными хозяевами своих частей, получив свободу *«вводить там любые новшества, любые причуды, которые кажутся им полезными»*ⁱⁱ.

Справедливости ради, надо сказать, что так называемая «экономия» — повсеместно распространенная среди полковых командиров практика иметь доход от своей части — не столь однозначное явление. Обойтись без всякого рода махинаций было просто невозможно: всё, что требовалось иметь в полку, стоило гораздо больше, чем давала казна, ведь штаты и табели с прописанными в них ценами действовали в течение многих лет, несмотря на инфляцию (утвержденными в начале 1760-х гг. табелями руководствовались до 1786 г., «потемкинскими» — по 1796 г.). *«Наконец, — свидетельствовал граф Александр Ланжерон, долгие годы прослуживший в российской армии, — незначительность содержания русских офицеров физически не позволяет им существовать, и [власти] были бы вынуждены удвоить их жалованье, если бы не знали, что полковые командиры часто помогают им и кормят их»*ⁱⁱⁱ. Хотя, само собой разумеется, большинство начальников в первую очередь заботились о личном обогащении. Основных способов присвоить казенные деньги было три: 1) получение довольствия на отсутствующих людей и лошадей (то есть

сокрытие некомплекта); 2) завышение цен на провиант и фураж при истребовании денег на их покупку; 3) недодача положенного содержания наличным людям и лошадям.

Второй документ из коллекции бывшего Военно-ученого архива (ныне фонд № 846), представляет собой записку на пяти с небольшим листах, где детально, по пунктам, расписано, как и сколько прибыли могли иметь начальники кавалерийских полков от одной только закупки фуража^{iv}. Ни заголовка, ни даты составления у нее нет. Прочитав текст, можно с уверенностью предполагать, что его автор знал сей механизм не понаслышке (похоже, он был одним из тех «любящих правду» офицеров, которые пострадали за отказ принимать участие в делах своего командира — конец рукописи почти напрямую говорит об этом). Установить, кто и для кого выполнил данную работу маловероятно, однако внешний вид манускрипта — крупный и аккуратный подчёрк, четкая система подачи материала, обилие точных цифр — позволяют думать, что он предназначался для чужих глаз.

Появление третьего документа имеет целую предысторию. В марте 1788 г. состоявший при комиссариатской комиссии Екатеринославской армии бригадир и обер-штер-кригс-комиссар Н.А. Андреев получил приказание осмотреть два новосформированных батальона Фанагорийского гренадерского полка*. Поводом для проверки стали грубые ошибки, замеченные в рапортах о числе людей. Подозрения оказались не напрасными: состояние части было воистину плачевным — изнуренные, необученные и обворованные люди, еле живые лошади, расстроенные солдатские артели и полковое хозяйство, запущенная отчетность, недостачи в денежных суммах и вещах, неисправный обоз... Офицеры, и те находились в бедственном положении. Еще до смотра прежний командир был отрешен от должности; место его занял И. Раковский — генерал-адъютант штаба Потемкина, а в канцелярию светлейшего князя поступил подробный доклад о том, как обстояли дела в батальонах^v. Описание инспекторского смотра и сопровождающий его рапорт занимают десять исписанных с обеих сторон листов, еще на трех листах ведомости о числе мастеровых инструментов и состоянии обоза; все документы заверены подписью Н.А. Андреева^{vi}. Для карьеры прежнего командира фанагорийцев, полковника М.П. Ушакова, этот инцидент, по-видимому, обошелся без серьезных последствий. 25 марта 1791 г. он получил звание бригадира, а в 1793 г. состоял в числе сверхкомплектных обер-комендантов и комендантов^{vii}.

Все эти документы настолько красноречивы, что почти не нуждаются в комментариях. Мы публикуем их целиком, по возможности сохраняя орфографию подлинников.

* В русской армии было несколько гренадерских полков, носивших имя Фанагорийского. Детально разбираться с этим вопросом здесь стоит вряд ли, поэтому скажем только, что в данном случае речь идет о том Фанагорийском гренадерском полку, который был сформирован в 1788 г. из унтер-штаба 4-го гренадерского полка, двух батальонов, взятых от Елецкого и Козловского мушкетерских полков, в следующем году дополнен еще двумя батальонами из рекрут, а в мае 1790 г. переименован в Малороссийский. РГВИА. Ф.273. Оп.1. Д.87. Л.2.

№ 1

Примечания, сделанные мною во время осмотра по инспекторской должности полков, для сведения вашей светлости

1-е. Полковые и ротные командиры представляют в отставку людей молодых за тем только, что не имеют хорошей фигуры, или сутуловаты и дурны лицом, которые несколько лет еще с пользою могли бы продолжать службу, а генералитет, утверждаясь на их представлениях, отставляет, иногда — из доверенности к полковым командирам, а иногда, а паче главные [генералитетские чины], — по отдаленности не имея ни время, ни способу сами осмотреть их.

2-е. Многие же оказываются и недавно взятые в службу, но весьма престарелых лет, так что непременно должно их отставить, хотя они по формулярным спискам и молодыми показаны, но ощутительно однакож видеть можно, что приняты в службу гораздо выше указных лет.

3-е. Напротив того, оказывались люди молодые и к полевой службе весьма способные, но по немолодым летам представляются в отставку, которые старость лет присвоили себе переходя из полку в полк, покупая у писарей, чтоб при переходе в формулярных списках леты им прибавляли, дабы скорей тем достигнуть от службы увольнения.

4-е. Некоторые находились люди молодые и здоровые, наклепывая на себя болезни или притворяясь нерасторопными, каковые от командиров и представлялись к отставке, дабы избавиться такого человека, к исправлению которого должно им прилагать свой труд.

5-е. Полковые командиры не только в границах, но и в походе, под видом полковых надобностей командируют, или, лучше сказать, обер- и унтер-офицеров отпускают в дома, которые без исправления службы пользуются получаемым жалованьем. Да не только полковые командиры сей непозволенный поступок делали, но и господин генерал-поручик и кавалер Суворов давал в полки ордера такого содержания, чтоб такого-то именно обер-офицера отпустить в дом, а числить в командировке для закупки, иных — полковых лошадей, а иных — при подряде на полк парадных офицерских вещей, хотя для того ж самого и были уже командированы другие*. От чего и бывает в полках в обер-офицерах недостаток, а посему оставшиеся налицо и терпят излишнюю в службе тягость.

6-е. В некоторых полках о деньгах, отпускаемых ежегодно на бессрочные вещи, ни приходных, ни расходных книг не содержится, и никакого остатка от них не показывают, а объявляют, что все исходят на починку тех вещей, на кои они отпускаются. А как сей отпуск положен с тем, чтоб сию оставающуюся сумму, по прошествии сроков прибавя к состоящим в старых вещах материалам, возможно было построить новые, то издержав все их, построить будет уже не из чего. А дабы полк

* В одном из рапортов на имя Потемкина Апухтин писал: «...Александр Васильевич Суворов из полков, расположенных в заграничных крепостях, непрестанно делает офицерам переводы в те полки, которые идут во внутренние дивизии, без воли вашей светлости как дивизионного командира, что ни власти его не соответствует, ни пользы службе не приносит, тем паче, что и никто из офицеров в сих отдаленных местах добровольно не хотел бы остаться, а потому и были бы полки сии без офицеров. Я хотя и просил его, чтоб он от сего удержался, а в те полки, из коих велел он выключить, чтоб оставили по-прежнему в них предложил, но как он человек нравный, то думаю, что не примет моего совету, буде ваша светлость не изволите сделать о сем ему воспрещения». РГВИА. Ф.52. Оп.1. Д.202. Ч.4. Л.14.

состоял к службе годным, должно будет к напрасному казенному убытку строить вещи из казны.

7-е. Когда выкомандировываются из внутренних для укомплектования заграничных полков, то за всеми от [Военной] коллегии подтверждениями и предосторожностями, выкомандировывают людей самых к полевой службе негодных, старых и увечных, написав в то самое время из денщиков и погонщиков в строевые чины, чтоб тем только счет повеленный составить. А как скоро по приводе за границу в полки распределятся, то в первую отставку по неспособности их и должно от службы отставить, от чего самого и убыль каждый год в заграничных полках знатная бывала, что и при прошедшей отставке последовало, так что знатное количество из последние приведенных выкомандированных для укомплектования принуждено было, по их неспособности к полевой службе, отставить.

8-е. Мундирам, в которых выкомандированные в полку служили, арматурные списки посылают такие, какие быть должны, но мундиры у них переменяют и дают самые ветхие и не тех сроков, кои в арматурных списках написаны, а иногда вместо оных и выслужившие уже сроки, вместо которых, к убытку казенному, за негодностию неминуемо должно выдавать из казны другие.

9-е. Самое вреднейшее и безумнейшее зло ввелось во многих [полках] — подговаривать к побегам из других полков нижних чинов к себе, обещая им прибавку жалованья из полковой экономии и другие выгоды, чрез что те люди и хорошего состояния портятся, потому что тот командир, который его подговорил, опасается делать ему заслуживаемый по вине штраф, дабы он, за то озлясь, не обнаружил в подговоре его гнусного поступка, да и люди подговоримые, сделав уже к побегам привычку, без зазрения совести могут и впредь бегать так, что и вовсе укрываться от службы. А что всего удивительнее — то делающие сей не позволенный подговор ставят себе то за проворство, хотя в самом деле чрез то не иное доказывается, как что они, не смысла привести в хороший порядок солдата, хотят присвоить себе честь и труды других.

10-е. В эскерции, эволюциях, а паче в темпах и маршировании, почти во всех полках есть ошутительная разность, введенная полковыми командирами и, по большей части, бесполезная, единственно для того только, чтоб сказать, что он завел новое, отчего полковые служители при перемене всякого командира должны переучиваться и нести напрасный труд и наказания, а от того делать и утечку*.

11-е. В Азовской и Новороссийской губерниях расположенные полки приметно в летнее время имеют больных в бóльшем количестве, нежели в других местах, что происходит от тамошних вод, которые и в самых больших реках в каждое лето цветут так, что ежели чистой воды налив в стакан, на несколько часов поставить, то отстаивается тина, которая по употреблении производит в крови гнилость, и которой вред можно отвратить тем, чтоб в летнее время запретить людям пить воду, а велеть делать квасы из их же провианту, которого всегда в артелях для сего

* То же самое написал в своих заметках о состоянии русской армии Жильбер Ромм: «...Ко всем описанным выше недостаткам добавим также безраздельную власть полковников над своими полками. При их полной свободе можно вводить там любые новшества, любые причуды, которые кажутся им полезными. Всякая смена командира неизбежно влечет за собой изменения — либо к лучшему, либо к худшему... Каждый полк и даже каждая рота — это своего рода отдельная республика, где командир упражняется во введении новшеств, не имея возможности оценить их последствия. Отсюда — удивительные различия не только между отдельными полками, но даже между подразделениями одной части: никакого единообразия, никакого общего принципа». Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып.3. М., 2000. С.100, 103.

довольно остается. Сие примечено самым опытом в лагере под Кизикерменем в полку полковника Шемякина и в баталионе подполковника Юргенса, которые, запрета нижним чинам пить воду, делали и давали пить квас, отчего у них против прочих ни четвертой части больных не было.

12-е. Состоящие в Керче и Ениколе полки претерпевают нужду, первое — от утеснения квартир, так, что Азовскому досталось штаб- и обер-офицерам и всему полку только до сорока небольших покоев, а Троицкому таковых же до тридцати шести. А еще более [нужда] в дровах, не только для обогрения, но и для сварения пищи, которых никак в тех местах достать не можно. А буде покупать им на собственные деньги кизяк, который продается там по пяти копеек пуд, то за покупкою того не останется уже у них от жалованья на нужное их содержание.

13-е. Генералитет, находясь при командовании полков, из частей своих и бригад берут к себе полковых служителей строевых, извозчиков и плотников без позволения главнокомандующих, а только дают в полки повеления, чтоб тех людей числить при них, а потом, хотя из них кто определен будет и к другой команде, то не спуская их в полк, берут с собою, и некоторых хотя и причислят в другие полки, но в прежний, за отдаленностию, не дают знать, а полки, не имея о том известия и числят их в комплекте понапрасну лет по десяти и более, чего им (генералам. — *Авт.*), имея положенное число денщиков, и делать не позволено.

К пресечению всего вышепоказанного другого способа кажется нет, как под начальством генерал-инспектора учредить четырех из генералитета и трех из штаб-офицеров для отдаленных мест непременных инспекторов, людей ему знаемых и к тому способных, дабы все войски непременно каждый год не оставались без смотра. Которым сочинить инструкцию на основании прежней*, прибавя к ней и вышепоказанные примечания, а притом и то, чтоб всякий год отставка чинена была с их осмотру, а также бы и вступившие между смотров в полки рекруты в способности их к службе прилежно ими пересматриваны были, как и о всех вступивших после прежнего смотра брали от полкового командира отчет — откуда кто к нему в полк вступил и по какому повелению причислен, чрез что и может оказаться, не имеет ли полк [людей] перебежших из других [полков]. Сим способом не только соблюдется нужный порядок службы, но и многие ненужные расходы уменьшатся и казна соблюдена будет. О прочих же материях за нужное нахожу сделать подтверждение. Касательно же в Крыму находящимся полкам до дачи дров или кизяка, оставляю на благорассмотрение вашей светлости, о которых и исчисление при сем прилагаю.

РГВИА. Ф.52. Оп.1. Д.202. Ч.4. Л.103-106 об.

№ 2

Служившие в кавалерии не могут внутренно не признаться, чтоб сказанная здесь истина не была в самом существе происходящая от одной неограниченной власти полковых начальников. Описываю здесь, сколько сии чины, не внимая ни гласу законов, ниже страшась строгости оных, стремятся ко всяким непопозволенным прибиткам, имея их в службе за первейший предмет.

1-е. Полк всякий конный никогда лошадей полного числа у себя не имеет, и это мало, если недостает в шестиэскадронных полках полутора, а в драгунских — триста и четыреста лошадей. К лагерю, обыкновенно, сколько-нибудь пополняют сей недостаток, но или малым числом, или вовсе никаким. Казалось бы, чем закрыть

* *Инструкция генерал-инспектору и военным инспекторам, утвержденная в декабре 1731 г.*

вину сию, не имущую, по-видимому, никакого оправдания! Но способы весьма легки. Если только лагерь назначен бывает с тем, чтоб дивизионному командиру показать в учении полк, то тут находят разные отлучки людей и лошадей, которых большею частью показывают в лазаретах, и где пешие команды, тамо их означают конными. Если ж случится инспекторский смотр, тут заменяют недостаток штаб- и обер-офицерскими лошадьми и лучшими из подъемных, записывая их шерсть, леты и приметы в полковые конские описи. А если и тем полного числа не наберут, то сказывают, что ожидается новый ремонт — ремонт лошадей, который по последнему рапорту в таком-то месте находится. Нестрогому начальнику в сем случае, и не знающему сих ухваток, довольно бывает сего ко оправданию, а между тем фураж получается на полный комплект.

Прибыточной от сего суммы, полагая четверть овса в 1 рубль 20 копеек, сена пуд в 12 копеек, — цена, которой ниже сего почти никогда полк карабинерный и драгунский в рассуждении справок не имеет, выходит в год: в карабинерном — 5.011 ру[блей] 87½ ко[пеек], в драгунском — 9.600.

2-е. Вступая в квартиры, полки тотчас требуют от провиантских комиссий на покупку провианта и фуража денег, и если не доставляемо бывает полкам продовольствие подрядами или выдачею одного из магазинов или, по крайности, установлением одних цен хлебу и селу на все зимние месяцы, то тут бывает самый легчайший способ полковым начальникам к прибыткам, и именно покупкою по справочным ценам, в которых никогда и ни в чем и малейшей истины не бывает. Сей род свидетельства ложного, которым полковые начальники оправдают дела свои, развязывает им руки к прямому разграблению казны, ибо редко бывает, чтоб не три части фуражной суммы осталось прибытком полковому командиру.

Если положить из фуражной одной суммы остающихся полковнику денег, от овса по 50 ко[пеек], от сена по 5 ко[пеек], и соломы в кирасирские и карабинерные полки, которая никогда не покупается, полагая пуд в 2 ко[пейки], цена всему самая умеренная, то в карабинерном выходит в год за всё 13.978 рублей 50 копеек, в драгунском — 17.490 рублей.

3-е. Приняв деньги, если имеет полковник способ сам собою или с помощью полкового квартирмейстера закупать провиант и фураж, то, покупая, доставляют в роты или эскадроны, а иногда к доставлению принуждают обывателей, с заплаатою самонаименшею за подводы, а в глухом месте и без оной. Буде же нет способу им сего сыскивать, то раздают деньги ротным командирам, отпуская им самую истинную цену, что почитается еще за милость, но в книгах расписываются они по свидетельству справочных цен, которые редко не втрое противу действительных от исправников или городничих показываются.

4-е. Когда наступает весеннее время, которое хотя и погодливое бывает, но обыкновенно распутицею называется, тут-то полковники, испросив самую дорогую в феврале месяце справку, запасают себя по оной не только на время распутицы, но и на всё иногда лето, хотя и не имеют на то дозволения, оправдаясь только тем, что опасаясь дороговизны, полк приступил к заблаговременному заготовлению провианта и фуража, которого хотя и нет налицо, требуют однакож не стыдясь в возврат на место издержанных денег, взятых из офицерской суммы, почти никогда в конных полках не бывалой. И если случится, что между тем сказан будет полку поход, тогда сей весь запас, хотя его и нет, оставляют на истребление остающемуся на квартирах эскадрону, которому можно ли его весь употребить, когда простирается запас одного сена до восьмидесяти тысяч, и по тому пропорционально овса? Оставшийся эскадрон, так как сего запаса не бывало, довольствуется своих лошадей, которых полк

оставляет ему не более тридцати, и то престарелых, из полковой суммы, покупая овес и сено, а между тем чрез несколько времени рапортует, что весь запас оставленный полком пришел в негодность от ненастья, от которого, по неимению сараев, сберечь нельзя было. Тогда посылаем бывает провиантский чин ко освидетельствованию. Мздоприимство покажет всё негодным, а потому сено, яко негодное, велют употребить на небывалую (никогда не бывающую. — *Авт.*) подстилку, а овес продать за самую низкую цену. Иногда и без сего обходятся, с помощью мнимого пожара от грома или загоревшейся вблизи какой избы или сарая, и сему свидительство, хотя также ложное бывает, но вероятное. Я знал одного пехотного полковника, запасшего таким образом себя на все зимние месяцы и получившего потом повеление о выступлении в последний поход в Польшу. К нему на квартиры присланы были от всей дивизии двуротные команды на истребление его запаса, которого они, однакож, не нашли. Спросили полковника: «где он?», который показал, что всё забрал с собою. Ложь явна была, потому что на подъем всего надобно было более трех тысяч подвод — сошло однакож всё с рук. Велели ему всё возратить в квартиры, и он только принужден был всё искупить, или тем же ротам дать по договору деньгами, оставя себе барыши.

5-е. Кирасирским и карабинерным полкам положено на целый год на подстилку соломы, по два пуда в месяц на каждую лошадь, которой никогда не покупают, ниже отпускают в роты за оную деньги. Ротные командиры всегда берут солому от обывателей, которую они с радостью дают безденежно для умножения навозу там, где оный нужен. Где же нет нужды в навозе, то и там мужик не спорит за солому, потому что кроме безлесных мест, где ее употребляют вместо дров и на крышу, она почти напрасно пропадает. Полки же показывают покупкою солому почти всегда по три и четыре копейки. А три года тому назад, как состоялся подряд от Провиантской канцелярии в Смоленской губернии на солому, пуд [оказался ценою] в девять копеек.

За солому выходит на круглый год, полагая пуд по четыре копейки, в один карабинерный полк 882 рубля 24 копейки.

6-е. При наступлении весны полки карабинерные, сколь скоро покажется подножный корм, то, невзирая на запрещение, выпускают всех строевых и подъемных лошадей сперва на луга, где они ходят инде до Николина*, а инде и до Троицына дня*, потом перегоняют их на такие места, где не косят травы, а по сенокосном времени — на отавы, где ходят лошади, если не бывает дивизионного лагеря, по сентябрь и октябрь месяцы. Драгунские же выпускают [лошадей] всегда гораздо прежде окончания зимних месяцев.

Если проходят в карабинерном полку 4 месяца на подножном корму лошади, то полагая овес в один рубль, сена пуд в двенадцать копеек, соломы пуд в две копейки, выходит всего полковнику 10.276 рублей 61½ копейка.

7-е. Покупку лошадей производят полки следующим образом. Приняв ремонтную и для продовольствия новопокупных лошадей фуражную сумму в сентябре, а иногда и в августе месяце, никогда полки в надлежащее время не посылают офицеров для покупки лошадей, а отправляют их когда им вздумается, и назначают им всегда почти годовые сроки. В течение сего времени вот что происходит:

* Николин день — день праздника в память святого Николая Мирликийского (Николая Угодника, Николая Чудотворца). Отмечается 9/22 мая (Никола Вешний) и 6/19 декабря (Никола Зимний).

* Троицын день, день Святой Троицы — один из главных христианских праздников. Православная церковь отмечает его на 49-й день после Пасхи, в воскресенье.

при отправлении офицера для покупки лошадей, хотя дают ему команду пешую, но показывают ее от полку конною — число лошадей, которое следовало быть под командою, тотчас из полку исключают, и продав их, показывают, однакож, сие число в команде. Дают ордер офицеру, [для] проформа, продать сих мнимых лошадей во время покупки новых, но он сие не прежде исполняет, как показав их чрез целый год наличными к фуражу, а потом, подходя к полку с новым ремонтом, означает их или упалыми, или проданными за самую бездельную цену.

8-е. Отошед офицер с командою не более 50-ти или 100 верст от полку, тотчас начинает будто покупку лошадей, и в первом месяце своей отлучки покажет их большую половину к фуражу, на другой месяц — три части предписанного ему числа лошадей, а на третий — и четвертую; [при этом] оставит однакож не более как десять или пятнадцать лошадей будто недокупленными, и покупая сие последнее число, целый год для оного проживает, и скупает же действительно всё назначенное ему число лошадей в одну или в две осенние ярмонки вдруг, и то не прежде, как пред тем сроком, которого должно ему явиться в полку, то есть пред окончанием круглого года.

9-е. Пришед с командою в такое место, где дешевле прочих фураж, берет справки в таких местах, где оный дороже продается. И нередко случается, что имеет он точно свое пребывание с командою и лошадьми около Воронежа или в Малороссии, в самых дешевых местах, а показывает по книгам, что он находится в Белороссии или в Смоленской губернии, откуда по-месячно получает справки, и по оным заносит в книгу покупку фуража. Сие одно показание не открывает ли прямого умысла? Но, как только считают книги для того, чтоб знать, верен ли приход с расходом, то сего почти никто не видит.

10-е. Путевое продовольствие дает же случай полковникам немалое искушение, ибо на всех дорогах нет способу устроить магазейны. Многие ж полки марш свой делают глухими дорогами и, по большей части, теми, кои для них выгоднее, где берут иногда фураж даром, а в справках означено, что куплен и весьма дорогими ценами. Многие полки и в разные годы, во время своего путешествия, получили на путевое продовольствие сверх штатного положения тысяч по 30.000 рублей, а в 779-м году выдано из Провиантского департамента в один полк 57.733 рубли, а в другой — 71.070 рублей.

11-е. Книги на записку прихода и расхода фуражной суммы почти всегда даются командированному сему офицеру от полку, а не от провиантской комиссии, в которые он никогда ни покупных лошадей по описям, ниже провианта и фуража по ценам не заносит, а привозит белые книги. И как тоже никогда полного ремонту лошадей не покупается, а покупают не более как половинное число в год, то в белых книгах записывается полный ремонт и на всех лошадей, то есть и на не купленных заносится в книгу фураж, а расписываются во место продавцов разных в полку людей руки. Посредством сей уловки бывает почти всегда, что гораздо более стоит в год корм, нежели по штату лошадь.

Судить можно по сему, что фуражной суммы выходит на 11 месяцев: по крайности, если положить овес так, как всегда дорогие справки бывают, четверть в 1 рубль 40 копеек, сена пуд в 15 копеек:

- в карабинерном на 115 лошадей — 4.204 ру[бли] 68¾ ко[пейки];
- а в драгунском, на 8 месяцев, на 195 лошадей ремонтных — 5.694.

Из оных денег употребляется половина на прибавку к штатной цене строевой лошади и на продовольствие всех [лошадей] до полку, а половина в экономию.

Без покупки же ремонтных лошадей вся сия сумма, если показывается офицер [для] проформа у покупки, остается полковнику.

12-е. На сем самом основании показывается иногда ложно офицер с командою у покупки лошадей: заносится в книгу как число всего ремонта, так и на оный издержка фуражной суммы — словом, вся форма соблюдается, но ни одна лошадь куплена не бывает. Случается так, что весь мнимый ремонт явится сверх полкового комплекта лошадей, однакож взыскания почти не бывает, ибо полки отговариваются, что весь ремонт куплен на случай убыли, и когда приведены будут в полк лошади, тогда выключку старым лошадям делают, хотя в Полковничьей инструкции точно сказано, что сколь скоро куплено будет какое число лошадей, то офицер, состоящий у покупки оных, должен рапортовать о том своему полку, а по тому рапорту должно из полку то самое число из старых лошадей продажею оных исключать, но полки отговариваются, что таковые рапорты хотя и посылаются от офицеров, но по неисправности почт или поздно к полкам весьма доходят, или и вовсе на почтах пропадают.

13-е. В той же инструкции сказано, что отправлять к полкам новокупленных лошадей, сколь скоро наберется их пятьдесят, но сего никогда не бывает, а потому не выключаются старые из полку лошади и выходит фураж вдвое, то есть на новокупленных и на старых неспособных к службе лошадей.

Нельзя описать всех тех злоупотреблений, которые в полках бывают. Описаны здесь только самые главные, и то от покупки одного фуража. Мелких же частей показать нет способу, потому что они по времени и случаю бывают, которых полки не упускают никогда, а особливо там, где они не видят над собою никакой инстигации*, и более всего в чужой земле. Там они справки берут от попов, жидов и безграмотных, или о том не имеющих понятия мужиков, которые, лишь бы сбыть с рук своих наступателей, всё по их воле исполняют и иногда безденежно отдают провиант и фураж.

От одной фуражной суммы, кроме провиантской, может получить полковник кирасирский и карабинерный в год прибыли 30.149 рублей, а драгунский — 37.366 рублей.

Всех кирасирских, карабинерных и драгунских полков по штату состоит 32, не упоминая прочих всякого звания конных войск. И когда всякий полк получит то число прибыли, которое в примечании означено, тогда на все кавалерийские полки сумма выходит напрасно 723.576 рублей, да на пехотные полки и того ж звания прочие войски, по примеру сему ж и соразмерно содержанию подъемных лошадей, тщетно употребляется 120.000 рублей, а всего 843.576 рублей. Скажут мне многие, что необходимость заставляет всякого полковника к сему приступить, по причине той, что лошади ныне дороже покупаются, да и все прочие вещи, как[ие] по штату положены, а они содержат всё то, что должно, в лучшем виде, почему и принуждены таким образом получать из казны деньги и нужды свои исправлять. То не лучше ли б было, рассмотря штат, и на что недостает подлинно, денег прибавить, нежели быть в неизвестности и смотреть на сии разграблении спокойным духом?

О действительном числе в полку состоящем строевых и подъемных лошадей один только может сведать знающий все уловки полковые и беспристрастный инспектор, но и тут, если только согласны офицеры заступить своими лошадьми недостаток полковой, трудно вывести наружу обман. А несогласным быть офицерам с волею своего полковника почти невозможно, ибо противящийся интересу его тотчас

* Инстигация — здесь это слово употребляется в значении «надзор, присмотр».

подвергает себя гонению; доносителем же быть и того пуще, потому что имя доносчика повсюду стало ненавистно, и если бы нашелся такой из офицеров, то кроме того, что донос его выведен будет наконец ложным, бывает гоним и утесняем до крайности, и буде уклоняясь от всех напастей перейдет в другой полк, то и там не примут его иначе как нарушителем покоя, то есть общего полковников интереса. Не принимают его даже офицеры в свое общество, удаляются от него как от изверга какого, и доведут до того наконец человека любящего правду, что он со всеми своими достоинствами принужден будет идти в отставку, да и во оной с именем доносителя умирает. И так в сем случае ни книги, ниже документы, никогда справедливы не бывают, ибо что ни засвидетельствовано во оных руками штаб- и обер-офицеров — то всё с подобострастием, а не по самой истине.

РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.17776. Л.18-24.

№ 3

Его светлости главнокомандующему Екатеринославскою армиею господину генерал-фельдмаршалу, Государственной Военной коллегии президенту, войск Ее Императорского Величества генерал-инспектору, Екатеринославскому, Таврическому и Харьковскому генерал-губернатору, корпуса Кавалергардов и полков Екатеринославского кирасирского, Екатеринославского гранодерского и Смоленского драгунского шефу и разных орденов кавалеру князь Григорью Александровичу Потемкину-Таврическому от обер-штер-кригс-комиссара и кавалера Андреева покорнейший рапорт

По повелению вашей светлости, последовавшему ко мне от 10-го прошедшего марта под № 1.252-м, два баталиона полку Фанагорийского гранодерского я комиссариатским и инспекторским смотром во всей точности, по силе сделанного мне от вашей светлости предписания обозрел. А в каком оные состоянии мною найдены, честь имею поднести у сего подробное и вернейшее описание, в котором благоусмотреть изволите прямую истину, которую я пред особою вашей светлости скрывать не имел никогда смелости. Умедлил же я выполнением сего потому, во-первых, что задержан был весьма много господином полковником Ушаковым, ибо и из-за сделанного от меня ему предварительно обо всем предписания, не только по прибытии моем в полк чрез десять дней ничего необходимо к сведению нужного получить не мог, но и до сего времени беспрестанно о том ему подтверждая, многого еще не имею. А во-вторых, и припадки между тем мне случившиеся, непосредственною были тому причиною.

Обер-штер-кригс-комиссар и кавалер Никита Андреев

Апреля 5-го дня 1788-го года. Крюков

ОПИСАНИЕ СМОТРА ИНСПЕКТОРСКОГО

Продолжая столько службу мою, имел уже я случай детально обозреть весьма многие полки. Встречалось видеть многие весьма в них и неисправности, упущении и, частию, злоупотреблении. В каждом однакож из них больше или меньше в одном против другого находимо было и такого, что заслуживает прямую похвалу и признательность. Но обозревая полк Фанагорийский гранодерский, в двух баталионах теперь состоящий, не нашел я его ни в одной части, о которой бы можно было не сказать худо, ибо что только ни доходило до взора моего и слуха, то всё

одинаковые чувствования попеременно производило: или сожаление о погубленном без всякой деятельности времени, при нынешних обстоятельствах весьма драгоценном, и сострадание о страждущем человечестве, или негодование за потраченные суммы на сооружение и устройство сего расстроенного корпуса. Что ж лежит до ордера вашей светлости о научении и о штрафе солдата, то чем легче и удобнее есть во всей точности выполнение одного, тем в глубочайшее погребен он в сем полку забвение, ибо при смотре моем нашел я в нем:

1-е. Что солдаты в экзерциции и в поворотах весьма мало знающие, а только в темпах и приемах ружьем одни крепкие удары производят при принужденных вытяжках. Маршируют весьма худо и также принужденно. Строить колонны и формировать каре ни из какого положения не знают, стрелять не только пулями в цель, но и примером холостыми патронами не умеют, не разумея и заряжать ружья порохом порядочно, и стрельбы боятся, потому что с начала сформирования сих баталионов по три только патрона с глиняными пулями в цель, и от шести до десяти холостыми патронами примерно некоторыми ротами выпалено, а другие и совсем не стреляли.

2-е. Ружья исправны, а только у некоторых курки на взводах не стоят, штыки по препорции их не пригнаты и огнивы мало огня дают. Оружейный прибор весьма неисправен и в большом пренебрежении, так что пыжовники все почти, а отвертки до половины негодны, одни только трещотки исправны. Патроны в суммах в чистоте содержатся, но только маловесны, не более десяти и одиннадцати золотников* каждый с патронною бумагою и клейстером. У некоторых солдат кремней мало, а у других кроме ввернутого в ружье и совсем нет, сверх того, что есть многие и негодны.

3-е. В ящиках патроны, хотя попечением секунд-майора Иванова и присыпаны были мукою, но по прилежном оных обозрении открылось превеликое об них небрежение: многие из них в верхних веках поплесневели и погнили, сверх того, что и сии также не по калибру ружей, а все маловесны и малопульны, для чего как тех, так и других на обозрение семь патронов у сего препровождаются. В двух же ящиках и совсем их нет. Господин полковник и майор объявили, что патроны и в сих последних бывши также повреждены, как и в прочих ящиках, переделываются в ротах, но сие их донесение впоследствии несправедливо оказалось. Веки в ящиках верхние от гнилости, а средние от непрочной работы при выемке совсем разваливались, и помочи ременные на них рвались, чрез что и патронов иначе всех обозреть не можно было, как выбирая их по одиночке из ящиков, до последнего века.

4-е. Амуничные вещи на людях исправны, кроме полунагалищ и сум второго баталиона. Первые от небрежения поплесневели, покраснели, и от того ломаются, быв еще и без употребления, потому что без пряжек, а у последних, при лакировании их воском, лазорью и пензою, крышки в печах пережжены, и по краям, при гнезде патронов, подшиты кожею, чего у образцовых совсем нет, а по таковому их состоянию не без крайнего затруднения и не без повреждения рукам патроны из них вынимать можно, потому что они весьма несвободно открываются, и жесткостью своею, быв притом еще при лакировке по краям и пробиты гвоздями, руки обрезают. Сверх того, бывши отниманы для сей лакировки от сум, в конце пришивки далеко прорезаны, так что у некоторых и течь к патронам заходить может. На всех на них медных гербов, и на половинном числе железных пряжек нет. Нет также половинного числа и на портупях медных пряжек. А ремни к ранцам и епанчам и к ним пряжки железные на собственные солдатские деньги поделаны. Перевязи ж и портупей в обоих баталионах по прежнему обыкновению с клеем белятся и лощатся,

* Золотник — мера веса, равная 4,27 грамма.

причем солдаты на покупку клею и мелу превеликие по состоянию их издержки денег делают, а вещи к дослужению своих сроков не так прочны быть могут.

5-е. Каски разнокалиберны и частию неисправны, мундиры все почти ветхи, а особливо шировары, и положенных сроков никак выслужить не могут; первые — от небрежения, а последние (то есть все мундирные вещи. — *Авт.*) — от излишнего наблюдения хозяйства бывши пошиты узки и коротки, и чрез то не только связывают и отягощают солдата, но у некоторых и тела не закрывают. Поправить же сего нет другого способа, как сняв с большего на среднего, с среднего на меньшего, с меньших же все употребить на починку и поправление первых, а на больших уже вновь построить. Епанчи хотя сукном и прочны, но не подшиты тесьмою и весьма малы. Многие из них по вымерению моему оказались не более как из трех аршин и трех аршин шести вершков сшиты, а от того и в грудях узки и коротки по колено, так что при случае непогоды и посредственно солдата защищать и покоить не могут. Когда же на нем сума, ранец и фляга, то сравнивая узкость первую с последнею, должны плащи на ранце и прочем быть таковы, что и в половину его не сходятся. Поправить их также иначе не можно, как и мундиры — снимая с большего на среднего, а с среднего на меньшего, а из двух малых делать на больших людей одну епанчу, чего же за тем доставать не будет, вновь пошить. На касках во втором баталионе блях и крючков, а в первом на кафтанах и широварах пуговиц, и на всем полку погонов и третьей части крючков кафтанных совсем нет. Кителей и шировар летних, первых совсем, а последних, кроме трехсот пятидесят шести, в построении нет. Галстуков черных, положенных по штату, также нет. А хотя на первый баталион от господина полковника Ушакова и отпущено было для шитья оных из оставшего плащевого белого сукна, с тем, чтоб почернить оное из артельных денег, но после и за него взысканы им с них деньги. А во втором баталионе построены белые полотняные, на собственные ж солдатские деньги, с отпуском только от полку положенных по штату на каждого человека по четыре копейки с четвертью, хотя и обходился им каждый галстук от двенадцати до двадцати копеек; замков же галстучных к ним совсем нет, а завязываются оные узлом. Рубахи и обувь, полученные только в сентябре месяце, при всей помощи оставшимися от рекрутства, весьма ветхи и в дырах, так что в сапоги грязь заходит, а у которых хотя и есть еще крепкие, но и те донашиваются и до срока дослужить не могут. При вопросе моем о причинах таковой сих вещей ветхости, они объявили, что холст на рубашки и обувь до многих доходили непрочные, а холст и без накладки в число указной широты, и от того быв они узки, скорей сшитых по препорции издирались. А когда мною на прием оных вещей для сличения с ними образцы комиссариатские потребованы были, то господин полковник Ушаков и майор Иванов отозвались неимением оных, якобы по недаче от комиссии приемщикам тех баталионов, чего, однакож, как мне ведомо, совершенно быть никак не может, потому что без оных отпуску никогда и никому от ней не бывает, да и приемщикам тех баталионов, подпоручикам Микулинскому и Мисюреву, о приеме вещей в данных указах предписано было, чтоб они принимали вещи против данных им из комиссии образцов в сходственности, в совершенной годности и прочности, а холст и в указную десятивершковую широту, опасаясь в противном случае за прием негодных вещей не только взыскания, но и пред военным судом ответа. И по такому их из-за предписания комиссии злоупотреблению в приеме негодных вещей, от стороны господина полкового командира оставлено без исследования, в ощутительный вред солдатам. Один же рядовой усмотрен в пятой роте и совсем без рубахи,

оправдываясь, что он, имея ее одну, и ту ветхую, сняв с себя, положил в ранец, чтоб показать инспектору, что у него есть рубашки.

6. Все от несостояния полного комплекта людей и от находящихся в госпиталях оружейные и амуничные вещи, кроме некоторого числа лакированных сум, как о том в 4-м пункте значится, хороши, только в дурном бережении — ружья многие поржавели, а ранцы и полунагалищи поплесневели и от того покраснели.

7. Пирамид оружейных в обоих баталионах только двенадцать, а еще толикого ж числа совсем нет; палаток восемьдесят семь, а девяти недостает, и все те наличные [пирамиды и палатки] прочны, только неисправны, потому что к ним ни древок, ни веревок нет.

8. Шанцевый и другие инструменты не только неисправны, но и многие негодны, и не в полном числе [положенном] по штату, а ложенного [инструмента] и совсем нет, о чем в особой ведомости препровождаемой у сего под № 1-м яснее значится.

9. Полковой и ротный обоз, кроме ящиков казенного, аптечного и патронных, весь или ветх, или негоден. При всём том, что он, бывши разновиден, делает великую в одном баталионе с другим пестроту, но еще тяжел и неспособен. А и ящики патронные первого баталиона, бывши не выкрашены и покрыты хрящом, требуют перекрышки парусиною, чтоб пыль и течь до патронов доходить не могла. Казенному же и аптечному также нужна некоторая починка в колесах и оковке. А палаточные ящики все без древок, и хотя их, оставя уже пестроту в своем виде, в прочности поправить и можно, но с немалым потеряннем суммы и времени. Другой же ящик аптечный и роспуски провиантские только еще строятся, и то сии последние не в полном числе, а других повозок и совсем нет, о чем также в особой ведомости под № 2-м яснее значится.

10. Упряжь к обозу наличная, как то: хомуты, узды и седлы хороши, а хотя и требуют некоторые починки и добавки, но весьма в малом числе. Вожжи только все пеньковые и без наконечников ременных, да совсем нет седел к ящикам и фурам одиннадцати, фурьерских четырех, а вьючных всех положенных по штату восьми, и потому артельные котлы во весь бывший баталионам поход возились на артельных лошадях, во отягощение солдатам.

11. Лошади подъемные наличные сто сорок три представлены на смотр все без подков, из них тридцать хороши, а прочие не только в непомерном черном теле, но и совершенно изнурены и приведены до крайнего истощания, так что без особого попечения о их поправлении и двойной им дачи овса никоим образом к походу способны быть не могут, а и в таком поправлении их та только надежда, что они большею частию молодых лет. Приведение их до такого состояния последовало сколько от бывшего в ненастное время похода, а больше всего, что они не были довольствованы ни в походе, ни на месте овсом, кроме расположенных ныне неподалеку от штаб-квартиры сорока одной лошади, употребляемых в разные откомандировки и работы, и то неполною ж дачею, а девяносто три, быв расположены за семьдесят верст от полку, довольствовались одним сеном. За всем однакож тем нашлось из них совсем негодных не более пятнадцати лошадей, а прочие годны. Двадцать пять показаны по описи в отлучках, а помощник обозного объявляет только двенадцать, но которое число там точно их есть и годны ли к службе, предоставлено изведать новому начальнику полку, господину генерал-адъютанту Рокасовскому. Чтб полный их всегда в баталионах комплект состоял, хотя по разности показания в отлучках и по числу обоза нельзя надеяться, но так как полковник имеет власть для

себя в езду их употреблять, то до точной истины дойти не можно было, а выходит только непосредственное заключение о некомплекте их из открывшейся после смотра оных от помощника обозного и от двух унтер-офицеров просьбы, что собственных их пять лошадей были забраты по воле господина полковника Ушакова единственно к сему смотру в число казенных, за которые он их (помощника обозного и двух унтер-офицеров. — *Авт.*) напоследок, по требованию моему, и деньгами удовольствовал; а хотя по объявлению их было в том же числе несколько штаб- и обер-офицерских [лошадей], но просьбы мне от них, [офицеров], за них не было, почему и остались они безвозвратно в числе казенных. Опись же поданная мне о всех оных подъемных лошадях оказалась неверна, потому что после сделания уже ее, за несколько часов до смотра моего, многие из них за негодностью выведены, а другие на место их и в наполнение, может, комплекта введены были, чрез что и не могла уже она быть при переключке лошадей в шерстях и приметах с ними сходна; некоторых же и совсем из числа показанных в наличности не являлось, почему и принуждено было вновь их переписывать, а переписавши, отдать опись господину полковнику для подписки, но от него ее и до сего времени еще не получа, и вашей светлости представить теперь не могу.

12. Имеющиеся в полковом казначействе разные вещи, как то: каски, сукна, фламское полотно, рубашечный, подкладочный и портяночный холст, часть небольшая сапожного товару, палатки, пирамиды, фляжи и другие амуничные вещи при осматривании моем нашлись хотя и в беспорядке, но в бережении, однакож холст рубашечный и в сапожном товаре подошвы совсем не против комиссариатского образца и ко употреблению непрочны, как о том и в 5-м пункте сказано.

13. Полковая канцелярия в беспорядке. Журналов у ней входящим и исходящим делам нет, а которые хотя и есть, но все запущены. Документов, даваемых должностным офицерам, как то: казначею, квартирмейстеру и комиссарам, о деньгах, о вещах, о провианте и фураже, в журнал не записываются, и на каком основании они даются, видеть не из чего. Людям именных формулярных списков, лошадям описи, деньгам настольного реестра, а вещам табелей верных нет, и от того как в людях и лошадях, так в вещах и деньгах потерян настоящий счет, так что при переключке людей некоторые показаны были наличными давно уже умершие, бежавшие и находящиеся в госпиталях и в других отлучках, а прибывшие из оных не зачислены в наличность. Больных сначала по рапорту господина полковника Ушакова в полковом лазарете показано было девяносто один, но вместо того после оказалось сто шестьдесят семь; многих у себя по спискам и находящихся в Крюковском госпитале лично от него во оный присланных не числит, а, напротив, многих умерших, о которых должен он совершенно быть сведом, потому что они еще дорогою, не бывши довезены до госпиталя, померли, не исключает, в чём и требуется от него обстоятельное пояснение, но еще одного в присылке нет. Книги шнуровые на сей 788-й год казначейские, комиссарские, госпитальные и провиантские, по поздому их от комиссии им истребованию, найдены: комиссариатские — все белые, без занесения в них приходов и расходов, а в провиантские только лишь один приход деньгам еще заносится. Да и за прошлый 787-й год таковые ж первого батальона (о которых хотя сего полку майор Иванов и доносил мне, что они давно отправлены), найдены мною, что оные не только не отосланы в Счетную экспедицию, но и донныне не сочтены, и не все еще в них приходы и расходы занесены, и в статьях расписок нет, да и третних в них свидетельств не сделано, а потому и о верности остатков денег, вещей,

провианта и фуража, и по какой цене последний в покупке, а провиант и на какое число людей получаем был, узнать было не можно.

14. По представленным же от господина полковника Ушакова ведомостям, показано денег в остатках, которые мною и освидетельствованы: казначейских на разные вещи — две тысячи сорок четыре рубли тридцать копеек с половиною; комиссарских на жалованье и вычетных за повышение чинов за патенты и прочее — двести сорок пять рублей тридцать четыре копейки; госпитальных — двести семь рублей девяносто семь копеек с четвертью; провиантских — восемьдесят четыре рубли; итого две тысячи пятьсот восемьдесят один рубль шестьдесят одна копейка три четверти; да офицерских двести восемьдесят три рубли тридцать шесть копеек. Сих, однакож, последних он ко освидетельствованию мне не представил, а после, когда согласно с приказанием моим сделана была в вещах и деньгах, как о том ниже значится, проверка, то сверх того еще одних казначейских на разные вещи должствующих быть в наличности, нашлось четыре тысячи пятьсот тридцать девять рублей восемьдесят три копейки три четверти, но их ни в казенном ящике не было, ни на смотре мне не представлено. Вещи по представленным мне табелям показаны были в полном числе и все построенными, но после, по сделанной по приказанию моему ведомости, поверяясь с ротами — что у них и в унтер-штабе, также и в казначействе есть, нашелся в них немалый недостаток и многого числа не построено. Денег же господин полковник Ушаков на построение их и вместо недостающих хотя по той последней ведомости четыре тысячи пятьсот тридцать девять рублей восемьдесят три копейки три четверти и показал, за исключением из того числа переведенных в Москву к поручику Рысцынскому на покупку вещей четырехсот рублей наличными, но их, как выше значит, нет, а только во все вышеписанные суммы отдано им по особому его, господина Ушакова, мне донесению, преемнику его, господину генерал-адъютанту Рокасовскому, три тысячи триста восемьдесят девять рублей двадцать девять копеек с половиною, а еще три тысячи шестьсот пятнадцать рублей пятьдесят две копейки три четверти обнадеежил отдать ему без упущения времени. Что ж он показывает по сей же последней ведомости многие вещи строящимися при баталионах, то кроме десяти провиантских роспусков, аптечного ящика, и пуговиц плоских кафтанных, которые расколачиваются на наковальне из круглых, и то с великою медленностию, ничего не делается, а посему сомневаться можно о построениях его и по другим местам, как то в Москве и Харькове.

15. Провианту по особой его ж, господина полковника ведомости, показано им запасного десятидневного: в сухарях — сто пятьдесят две четверти два четверика пять гарнцев*, круп — четырнадцать четвертей два четверика два гарнца; да принятого из Крюковского магазейна марта с 1-го апреля по 1-е: сто восемьдесят одна четверть шесть четвериков, круп — двадцать шесть четвертей три четверика два гарнца, но его при полку нет, а еще из Крюковского магазейна (кроме 4-й роты) не перевезен, по причине, может быть, той, что он перевозку ему всегда делал на артельных лошадях, а иногда и на обывательских, но с заплаатою им за то денег из артельных. Ныне же роты дачею артельных своих лошадей по всесовершенному их чрез то изнурению отказались, и довольствуются провиантом на счет оногo обывательским, а где есть недостаток в нем, то и из запасного десятидневного, который у них в ротах есть сполна. Четвертой же роты провиант перевезен на нанятых ею из артельных денег подводах.

* Гарнец — мера объема сыпучих тел, равная 3,28 литра. Один гарнец составлял $\frac{1}{8}$ долю четверика и $\frac{1}{64}$ долю четверти.

16. Ко обстоятельнейшему ж усмотрению всех сих показаний о вещах, деньгах и провианте табели, ведомости и последнее донесение об отданных и недостающих деньгах, подписанные самим господином полковником Ушаковым, при сем оригиналом подношу. А списка именного о людях, перечневого об них с отлучками рапорта и, особо, об отлучных по именной ведомости — по каким где повелениям и с которого времени находятся, представить не могу, потому что список и рапорт, по неверности и беспорядочному их сочинению, вновь при полку переделываются, а об отлучных ведомости совсем и в подаче не было, однакож о присылке оных наистрожайше ему подтверждено.

17. О экстраординарной сумме, отпущенной господину полковнику Ушакову на первый баталион, куда она в расход поступила, отобранная от него ведомость также у сего подносится.

18. Артиллерии и артиллерийских служителей при сих двух баталионах нет, и на артиллерийских служителей из принятого от комиссии сукна и прочего прикладу мундиров не пошито.

19. Начальники в сем полку по вопросу моему отозвались, что они подчиненными своими довольны. А нижние чины, бывши мною равномерно спрашиваны, довольны ль они начальниками своими, всё ль до них сполна положенное доходит, и нет ли им каких обид, налог и излишних истязаний, объявили: что провиант, хотя и не всегда в свое время, но сполна до них доходит (кроме однакож служивших в седьмой роте, о чём ниже объявлено будет); жалованья получили они весьма мало и не по равному числу, одни по рублю, а другие по двадцати копеек с начала всей их службы в сих баталионах; и затем достальные жалованные, амуничные, рекрутские — заслуженные бытностию еще их в рекрутстве, награжденные — по рублю, и собственные их деньги отобранные от них, поступили на содержание артелей, на покупку лошадей и повозок, на заплату за котлы, построенные от полку весьма дорогою ценою. И таковых денег, по объявлению их, сошло с них в артели, кроме собственных их, с некоторых по шести рублей по тридцати копеек, а с других по три рубля по пятидесят копеек, но расчета с ними в них и уравниения никакого не сделано. Начальники ж рот хотя и объявляют им, что с тех, с кого мало поступило, вычитаются деньги для возврата им, но они их не получают, и сколько кто должен артели, а другим возвратить следует, и правильно ль их деньги в артелях употребляются, они совсем не знают. Сверх того объявили, что от некоторых из них были отобраны господином полковником Ушаковым собственные их рекрутские деньги золотом и серебром, а им после в роты возвращены ассигнациями, чрез что они от размену их убытку претерпели на каждом рубле по десяти и по двенадцати копеек, из каковых некоторые уже им, господином полковником, после смотру, по требованию моему и удовольствованы. А бывши таким образом нижние чины обобраны деньгами, и оставшись в беднейшем состоянии, не имея чем при нуждах в содержании подкрепить себя, а особливо при недостатке хлеба, без которого они иногда по два и по три дни, по недоставлению к ним в свое время провианта, пробывали, доходили до крайности, так что некоторые, имея еще остатки из рекрутских вещей, принуждены были для того за бесценок их лишаться, а другие, не имеющие ничего продать, — мориться голодом. А сверх того, имея и одежду тесную, а обувь тесную и ветхую, во время похода в бывшие ненастные дни и большие холоды предохранить себя не могли, а особливо при больших переходах, случившихся раза по три от сорока до пятидесяти верст, ознабливали ноги. Пришедши ж до ночлежного места, по неимению и умеренно достаточного числа квартир, помещаемы были по баталиону в двух

квартирах, не имея никакого способу ни обогреться, ни просушиться и ни переобуться, и простояв чрез целую ночь на ногах не спавши, принуждены были паки в том же положении иттить в поход. И от того одни, меньше других имевшие терпеливости, спасая жизнь свою, делали побегии, другие же, не в силах бывши переносить столь чрезвычайной нужды — болели, а некоторые, истощеваясь время от времени в силах своих и, напоследок, приходя в крайнее изнеможение, и помирали. Сверх того, отягощены были по молодости их и неумеренно большими ношами, от которых иногда хотя и могли б они по несколько облегчить себя, а особливо при больших переходах, складывая с себя на артельные повозки ранцы и плащи, но повозки их слишком заняты были, ибо на них, по воле господина полковника, везены оставшиеся от несостояния комплекта и от отлучных людей оружейные и амуничные вещи, на весь полк — фламское полотно и подкладочный холст, и артельные котлы, которые должны быть возимы на вьючных лошадях. А ко всему тому и перевозка из магазейнов в роты провианта на них же была делана, отчего и лошади артельные пришли в таковое изнурение, что на последок и ходить не могли, многие надорвались, а другие и падали. Повозки ж пришли в ветхость, а некоторые и совсем изломались, на место которых и принуждены они были покупать другие, а в помощь к лошадям, для таковых же полковых надобностей, иметь и волов с фурами за собственные ж деньги, а тем самым и другими не принадлежащими до них издержками и артели доведены до превеликой бедности — они не имеют ни денег, ни припасов, ни лошадей с повозками хороших, а если которые из них и имеют деньги, но не настоящие артельные, а или рекрутское жалованье или собственные их, которые еще возратить им непременно следует. Я, сколько по долгу настоящего звания моего, столь паче по примеру опытных усилений вышней власти, не только на конечное пресечение и самомалейших без крайней надобности претерпений, но и на преподанное всех возможных военнотружущим выгод и, особливо, к сохранению здоровья их и жизни, входя прилежнее и ближе в бедное их состояние и рассматривая издержки их в артелях, нашел, что они весьма неумеренны и не без злоупотребления с стороны покупателей, а многие и подлинно совсем до них не принадлежащи, например: починка в некоторых второго баталиона ротах ружей на собственные их деньги, заплата обывателям за перевозку ими провианта из магазейнов в роты, покупка к ранцам и плащам ремней и пряжек, а для лощения сум — воску, лазори и пензы в большом количестве, шитье епанеч и мундиров по неотпуску на то от полку денег и, сверх того, вычет с них же за употребленные на то от полку нитки, и весьма многие сим подобные [издержки], о чём в претензиях ротных мною отобранных, которые я оригиналом у сего подношу, яснее значится, где между прочим видно и то, что на те вещи, которые противу прочих дóроги становятся и выгоды полковому командиру не делают, отпущены в роты деньги и исправляются при оных с большою прибавкою из артельных денег. По некоторым претензиям после смотра от господина полковника Ушакова при мне еще сделана была заплата, а при отбытии моем и по прочим удовольствовать ему от меня предложено, но теперь ротные командиры доносят, что со отбытия моего он никакого и ни в чём удовольствия не делает.

20-е. Чистоты и опрятности у солдат никакой нет. Они, во-первых, не обмыты, рубашки на них черны, ветхи и не починены, а которые и мыты, но примерно так, что они все в грязи и тине, и усыпаны от нечистоты рождающимися насекомыми. Обувь также ветха — в дырах и не вымазана, сквозь которую у некоторых портянки и тело видны и грязь заходит, от чего с помощью притом и прочих к изнурению их причин, все почти они в коросте, не имея не только веселого, но и свежего виду.

А частные их начальники, [вместо] чтоб избавить их от того и доставить им лучшие выгоды и жизнь, а особливо во время похода, не видя себе не только к тому понуждения, но и примера в главном своем и по нём старшем начальнике, мало о том печения имели, представляя во оправдание, что они не имеют довольного числа для обшита их мастеровых, а для призрения за ними старых солдат, которые б могли их научить своим примером, как им жить и содержать себя в чистоте должно. Однакож за всем тем нижние чины объявили себя, что они начальниками своими довольны, и от них не заганы, и побоев им неумеренных нет, кроме однакож седьмой роты, которая быв весьма недовольна той роты командиром капитаном Прохором Свизевым, приносила на тиранские и бесчеловечные его с ними поступки жалобу. Они, быв им смертельно избиты и измучены, показывали раны свои на всём теле их, объявляя, что ни один человек сей роты без наказания от него, кроме бывших в отлучке, не остался. Нарочно для того в глубокую полночь делал он тревоги, запрещал раздеваться и разуваться, принуждая и в походе идти всем в одну ногу, дабы сыскать случай к побоям, и давал в один прием, в пять или шесть перемен, парами, одному человеку по пятисот и по шестисот ударов, в одной рубашке, оборотя ее прорехою ворота назад, дабы удары больше до тела доходили, а нередко бил и по ляжкам, иногда ж заставлял одного бить другого, кругом человек по восьми и по двенадцати вдруг, без всякой причины, придираясь либо за ученье ружьем, или будто за нескорый выход в строй, или пьяным назвав, а часто и сам бивал, только не палкою, а колом*, во чтоб ни попало, разбивал головы и лицо, выбивал и зубы, а цирюльника ударил прикладом в грудь так сильно, что он, упав на землю и крутясь по ней без чувств часа три, кровью начал харкать, и теперь живого виду не имеет. Другие ж после побой, по объявлению их, вскоре и помирали. Бивал также и за то, кто занеможет, а особливо от нестерпимых его побоев, и никогда таких не отправлял в лазарет, разве уже недвижим сделается. Сверх того, выдавая им провиант дня на три, приказывал им быть сытыми дней десять, а когда они выпрашивали хлеба у обывателей, тогда находя [его] у них по ранцам, отбирал и также за то бивал, приказывая и обывателям в квартирах своих ничего им без его воли не давать, потому что он получаемый из магазейнов провиант им отдавал и с ними сделку имел, отчего солдаты, будучи в карауле полковом в деревне Зыбкой, принуждены были по мельницам и по обывателям по миру ходить, о чём и майор Иванов известен был, а бытностию в походе всё свое собственное продавать и питаться, не получая никогда от него, Свизева, положенной дачи провианта. Жалованья ж и амунических денег получили они во всю свою службу при сей роте, за вычетом на котлы, только по двадцати копеек, а прочие все, в том числе рекрутские и награжденные по рублю, оставлены

* В Екатерининские времена «употребление» палки (или же трости) офицерами и унтер-офицерами при строевом обучении солдат было обычной практикой. Вот что писал об этом генерал А.И. Хрущев, поступивший на службу незадолго до начала Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.: «... Унтер-офицерская и офицерская исправность поставлялась в том, кто более дерется, и палка в таком была употреблении, что стоя в лагере нет часа конечно от зари до зари, чтоб не услышал где-нибудь ударов. Всякий мало мыслящий офицер старался дать себе достоинство, и употребляя поминутно в пользу свою палку без нужды, доказывал тем свое знание и приобретал уважение от своих штаб-офицеров и господина полковника, ибо тиранство и жестокость придавали название трудолюбивого и исправного. Правда, что солдаты были тогда вытянуты, приемы ружьем крепко и совершенно делали, фронт равен, хорошо одеты, а некоторые полки отменно хорошо хаживали и равнялись, эволюции совершались исправно. Словом, для виду войско было чрезвычайное, и нельзя было быть иначе, ибо нерадивый и не имеющий желаемой фигуры был убит до смерти. И так тиранство достоинством, а щегольство фронта службою именовалось». РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.17780. Л.1-1 об. Использование в подобных целях кола выходило за рамки дозволенного.

в артели, без всякого им о издержках их сведения. А у одного рядового, Прокофья Кудряшева, при раздевании его к битью, обыскав, собственных его денег, три рубли серебряных зашитых в платье, отобрал к себе, и когда тот рядовой, отправляясь в лазарет, просил их об отдаче, то одни только палочные угрозы получил. Быв в таком горестном и мучительном состоянии, все нижние чины сей роты, и приходя до отчаяния, не зная чем от того спасти себя, а особливо, когда из них один рядовой, Егор Быков, также наказанный шестьюстами ударов палок, доведен бывши таковым бесчеловечным наказанием до отчаяния, бежал в штаб-квартиру, и являсь у майора Иванова принес ему жалобу и просил себе защиты, но именем полковника возвращен в ту ж роту, на жертву капитану Свиязеву. [Солдаты] благодарят теперь Бога и вашу светлость за избавление их от сего тиранства. Капитан Свиязев, по исследовании моем о сем его бесчеловечии и быв в том уличен, отдан под караул до решения вашей светлости. Майор Иванов, в небытность господина полковника Ушакова при смотре мною второго батальона, сказавшегося на тот день больным, на вопрос мой, для чего так немилостиво и несправедливо поступлено было с рядовым Быковым, искавшим его защиты, отвечал мне, что воля была господина полковника отправить его обратно в ту роту, однакож с наикрепчайшим подтверждением, чтоб капитан Свиязев не наказывал его больше и был бы помирнее. Больные, держанные им, Свиязевым, при роте изувеченные им и одержимые другими припадками, отправлены мною тот же час для пользования в лазарет.

21. Полковой лазарет был прежде расположен от штаб-квартиры в трех верстах, в деревне Ивановке, на выгодных же квартирах, а после, по неизвесным причинам, переведен уже в Бутовский шанец, расстоянием от штаб-квартиры в семнадцати верстах, весьма удаленный от частого навещания полного (полкового? — *Авт.*) командира. Господин полковник и майор ни в близком, ни в дальнем его расположении никогда в нем не бывали, а только последний навестил его один раз, и то во время осмотра того лазарета новым полковым командиром, господином Рокасовским, с ним вместе. Больные содержатся весьма дурно, не имея и посредственно хорошей пищи, получая хлеб невыпеченный и кашлицу пустую, а слабые крупами. Квасу и уксусу они никогда не видят, и пьют болотную сырую воду. Белья у них мало, и то не чисто и редко моется, а потому больной в какой рубахе в лазарет вступает, в таковой и остается без перемены до выздоровления или смерти, да и сами они не чисто содержатся. Медикаменты, по объявлению лекарей, хороши и в довольном количестве. В должностях своих хотя сии медики и прилежны, но не имея в прочем нужного и потребного к выгодам и выздоровлению больного, мало в том успевают. При нынешнем же новом их начальнике больные почувствовали великую в содержании себя перемену. Смотрителем и комиссаром госпиталя найден мною подпоручик Мартын Буров поведения весьма дурного, дознанный уже прежде мною, во время приему им вещей во второй батальон от комиссии мною управляемого, в пьянстве и забиячестве. А и при нынешнем смотре моем принесены мне на него жалобы от 8-й роты в продаже солдатского провианта и в присвоении себе взятых им за него денег, о чём в претензиях той роты яснее значится. А по таковому его характеру и нет от него хорошего за больными присмотру, да и ожидать оно не можно.

22. Военного артикула, чем солдат обязан службе, почти им не читается, да и на молитву весьма редко водятся, к тому ж и священника у них нет.

23. Не оставил я также войтить в состояние и господ обер-офицеров сего полку, и нашел, что из них многие весьма бедственную жизнь ведут, и пешком ходят, не имея не только лошадей и повозок, но даже порядочного мундира и пищи, нет у

них потребного числа палаток и вещей парадных, быв некоторые до сего еще истощены в прежних полках большими вычетами на исправление оных, которые ими от них при переходе в сей полк и отобранны, с тем однакож, чтоб получить от него вместо их другие, но он их у себя по новости своей еще и сам не имеет, а с них же делает вычет на построение их вновь. Некоторые из них, лишась за упалью и чрез изнурение в походе части лошадей, не имея чем оставших по дороговизне корма поправить, их самих и повозки распродали, другие же, по недавнему произведению в офицеры, а подпоручик Алексей Нестеров и по неполучению жалования, состоя в Киевском полку сверх комплекта, ко всему ж тому и по последовавшей во всём дороговизне, и не имея ничего собственного, кроме жалованья, чем бы подкрепить себя, дошли до такого состояния, что без помощи от вышнего начальства или без особенного попечения полкового командира никоим образом поправиться и в соответствующее офицерскому званию состояние прийти не могут.

24. Полк расположен на весьма выгодных и пространных квартирах (кроме 3-й роты, состоящей в Богоявленской слободе, вместе с донским полком полковника Бокова, весьма от того утесненной), в расстоянии от штаб-квартиры не далее восемнадцати и двадцати верст, а ближе весьма много, о чём истребованную мною от господина полковника Ушакова ведомость у сего подношу.

25. В заключение всего не могу я не сказать, что спасен и оживотворен теперь сей полк, сколько повеленным вашею светлостью смотром, столь паче переменею начальника, без чего, конечно б, подчиненные и инспектору открыть всего не осмелились. Остается только, чтоб он во всём подлежащем от стороны господина полковника Ушакова удовлетворен был. А дабы оспособствовать и нового начальника сего полку в скорейшем устроении и приведении его в надлежащую исправность, то нужно необходимо: 1-е. Дать ему надежного, исправного и доброго штаб-офицера, какого характера майор Иванов не имеет, ибо при смотре моем я опытно дознал по неоднократным мне от него донесениям, что он фальшив бесстыдно. При осматривании мною патронных ящиков он уверил меня, что все они имеют в себе полное число патронов, но когда найдены мною совсем пустые, то доносил, что патроны переделываются в ротах. Потом, при осмотрении рот, уверил меня, что лежавшие на тот раз в котлах патроны суть те самые, которые для ящиков в ротах уже переделаны, но по исследованию найдены оставшимися от умерших и отлучных, которые не в ящиках, а в сумках быть должны. О книгах уверил, что они за прошлый 787-й год давно отправлены в Счетную экспедицию, а напротив, найдены мною еще и не изготовленными к тому, как уже выше объяснено. А по претензиям и жалобам видел я, что он о существенном благе подчиненных не попечителен, о бедных нимало не сострадателен и, напоследок, что всей расстройности и дурноты сего полку он есть непосредственный виновник. 2-е. Пополнить также сей полк знающими службу и исправными офицерами и нарочитою частию старых солдат, которых теперь в нем с унтер-офицерами, капралами и другими нижними чинами и ста человек нет, а все рекруты и люди весьма молодые. Хотя же в числе их есть много и малорослых, но к службе, по добронравию их, как заключать должно из понесенных ими нужд и угнетений, также надежны, как и прочие.

Обер-штер-кригс-комиссар и кавалер Никита Андреев

РГВИА. Ф.52. Оп.1. Д.469. Л.24-33 об.

¹ РГВИА. Ф.52. Оп.1. Д.202. Ч.4. Л.103-106 об.

-
- ⁱⁱ Жильбер Ромм о русской армии XVIII века // Россия и Франция: XVIII–XX века. Вып.3. М., 2000. С.100.
- ⁱⁱⁱ Ланжерон А.Ф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. Т.83. С.162.
- ^{iv} РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.17776. Л.18-24.
- ^v РГВИА. Ф.52. Оп.1. Д.505. Ч.1. Журнал исходящих документов за 1-ю половину 1788 г. Л.380 об.-381 об.
- ^{vi} РГВИА. Ф.52. Оп.1. Д.469. Л.24-33 об.
- ^{vii} Список Воинскому департаменту и находящимся в штате при войске, в полках, гвардии, в артиллерии и при других должностях генералитету и штаб-офицерам, также кавалерам Военного ордена и старшинам в иррегулярных войсках на 1793 год. С.328.